

## СЮЖЕТ И ИДЕОЛОГИЯ В ЭЗОПОВСКИХ БАСНЯХ

В 1962 г. в «Вестнике древней истории» была напечатана наша заметка об идеологии античной литературной басни<sup>1</sup>. Она заключала обзор идейного содержания басен Федра и Бабрия; итоги этого обзора выглядели так: «Разрозненные суждения басен складываются в более или менее связную идейную концепцию. В мире царит зло; судьба изменчива, а видимость обманчива; каждый должен довольствоваться своим уделом и не стремиться к лучшему; каждый должен стоять сам за себя и добиваться пользы сам для себя — вот четыре положения, лежащие в основе этой концепции. Практицизм, индивидуализм, скептицизм, пессимизм — таковы основные элементы, из которых складывается басенная идеология. Это — хорошо знакомый истории тип идеологии мелкого собственника: трудящегося, но неспособного к единению, свободного, но экономически угнетенного, обреченного на гибель, но бессильного в борьбе. Первое свое выражение в европейской литературе эта идеология находит у Гесиода, и уже у Гесиода („Труды и дни“, 202—212) она встречается с литературной формой (еще не жанром) басни. В басне и получает эта идеология свое классическое воплощение. И если басня среди всех литературных жанров оказалась одним из наиболее долговечных и наименее изменчивых, то причина этому — именно живучесть и стойкость мелкособственнической идеологии».

Как известно, такой взгляд на идеологию басни не является общепринятым. Другие исследователи, напротив, отодвигают консервативные элементы басенной идеологии на второй план, а определяющим считают ее наступательный, социально-критический дух. Уже О. Крузиус, начинатель современного этапа изучения античной басни, афористически заявил: «Басня — это моральный аккомпанемент крестьянского восстания». Его преемник А. Хаусрат прямо противопоставляет по идеологическому признаку греческую басню, народную и революционную, восточной басне, придворной и не борющейся, а поучающей. Последний из зарубежных исследователей басни М. Нейгор, хотя и не столь решителен в выражениях, однако тоже считает признаками басенной идеологии критицизм и оптимизм. И. М. Нахов заявляет, что главное у Эзопа — «наступательный, агрессивный дух его творчества, связанный с революционной борьбой греческого демоса против аристократии»; Я. А. Ленцман находит в эзоповских баснях черты идеологии рабов, позволяющие «взглянуть на рабов „изнутри“ и установить, что они сами думали о своей судьбе». Наконец, в последней статье И. Фогта, напечатанной в «Вестнике древней истории», говорится: «Общезвестно, что басенная поэзия со времени своего возникновения позволяет маленькому человеку говорить против сильных мира, что она... несет в себе сильное устремление к социальной критике. Греки сделали Эзопа творцом подобной поэзии и представили его рабом»<sup>2</sup>.

Басня — произведение народного творчества, не принадлежащее к канону «высоких жанров» античности. Понятие «народный» очень часто стихийно ассоциируется с понятием «передовой», «революционный», — по крайней мере, в сознании прогрессивных ученых, а исследованием басен со времен Лессинга занимались преимущественно прогрессивные ученые. Но на современном уровне науки понятия «народности» и «революционности» требуют подхода более дифференцированного. Марксистская наука в этом особенно заинтересована. Поэтому не случайно, что первая серьезная попытка

<sup>1</sup> М. Л. Гаспаров, Социальные мотивы античной литературной басни (Федр и Бабрий), ВДИ, 1962, № 4, стр. 48—66.

<sup>2</sup> O. Crusius, Aus der Geschichte der Fabel, «Das Buch der Fabeln», hrsg. v. C. H. Kleukens, Lpz, 1913, стр. IX («Im Stil Nitzsches möchte man sagen: die Fabeln begleiten den Bauernaufstand in der Moral»); A. Hausrath, Achiqar und Aesop: das Verhältnis der orientalischen zur griechischen Fabeldichtung, Heidelberg, 1918 (Sitzungsberichte, Philos.-hist. Klasse, № 2); M. Nøjgaard, La fable antique, I: la fable grecque avant Phèdre, København, 1964, стр. 514—547; И. М. Нахов, в кн. «История римской литературы» под ред. Н. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 392; Я. А. Ленцман, Элементы идеологии рабов в баснях Эзопа, «Вопросы античной литературы и классической филологии», М., 1966, стр. 71; И. Фогт, Свободные искусства и несвободные люди в древнем Риме, ВДИ, 1967, № 2, стр. 102.

пересмотра вопроса о басенной идеологии принадлежит историку-марксисту и напечатана не в филологическом, а в общественно-политическом журнале<sup>3</sup>. «Эзоповская басня действительно выражает дух античного пролетариата, но не полностью и не во все моменты истории», — пишет А. Ла Пенна. Трезвый анализ действительности говорил античному пролетариату (в Марксовом понимании этого слова), что судьба его — оставаться в угнетении; это был один аспект его мышления, и он нашел выражение в басне. Но мечта о свободе оставалась — это был другой аспект, и он нашел выражение в других формах — в аграрных программах народных вождей и в религиозно-социальных утопиях. Аспекты были непримиримы, и в этом была трагедия античного плебса.

Цель настоящей заметки — подтвердить эту точку зрения более подробным и исчерпывающим анализом идейного материала эзоповского сборника, чем это делалось кем-нибудь до сих пор. Материал ее ограничен основным ядром эзоповского корпуса — древнейшей сохранившейся «Августанской» рецензией, восходящей к I—II вв. н. э. и включающей 231 басню. Более поздние напластования заслуживают отдельного разбора. Тексты и нумерация басен — по изданию Б. Э. Перри<sup>4</sup>.

Идейное содержание литературного произведения выявляется из элементов двоякого рода: во-первых, непосредственно из словесных суждений автора и действующих лиц, и, во-вторых, косвенным образом из связи действий и поступков, составляющих сюжет. В басне такое выявление производится легче, чем в других жанрах: авторские суждения здесь прямо сформулированы в виде морали, а сюжет обычно прост и ясен уже в силу краткости басни. Таким образом, разбор идейного содержания басен естественно распадается на обзор и систематизацию, во-первых, всех их моралей, и, во-вторых, всех их сюжетов.

До сих пор единственной попыткой такого подхода к античной басне было исследование В. Винерта «Типы греко-римской басни», который дал обзор и басенных моралей (Sinntypen) и басенных мотивов (Erzählungstypen)<sup>5</sup>. Но систематизация, предлагаемая Винертом, отличается чрезмерной дробностью. Перечень Sinntypen насчитывает у него 57 пунктов (в том числе и такие обширные, как «от своей природы не уйдешь», и такие мелкие как «хозяйский глаз видит все» и пр.); перечень Erzählungstypen содержит 41 пункт («царствование над зверями», «выборы царя зверей», «убийство зверя зверем», «враждебные действия, кроме убийства» и т. д.: иными словами, это не столько типы сюжетов, сколько типы мотивов). Работа Винерта до сих пор не утратила интереса; однако наряду с этой дробной систематизацией необходима и более обобщенная, которую мы и пытаемся предложить.

Будем исходить из тех формулировок, которые были выведены из беглого анализа басен Федра и Бабрия и теперь подлежат проверке на эзоповском материале.

А. «В мире царит зло». Основная форма утверждения этой истины в моралих — это мысль, что дурной от природы человек несправим и всегда будет делать дурные дела. (Такое утверждение незыблемости того, что «назначено природой», сближает эту группу моралей с группой «каждому свое», о которой — ниже, в пункте Д). Вариации этой мысли следующие: дурной человек может изменить обличье, но права изменить не может (№ 50); дурного человека не исправишь ни наказаниями (№ 166), ни благодеяниями (№ 64, 107, 192, 209); если дурной человек и старается стать хорошим, то это или тщетные усилия (№ 69) или сознательное лицемерие (№ 38, 154, 221); напротив того, если дурной человек задумал дурное дело, то его уже ничем от этого не удержать (№ 16, 155); поэтому «неразумно просить помощи у тех, кому от природы свойственно вредить» (№ 19). Итак, дурной человек не может сделаться хорошим; однако хороший легко может сделаться дурным (№ 152).

<sup>3</sup> A. La Penna, La morale della favola esopica come morale delle classi subalterne dell' antichità, «Società», 17 (1961), стр. 459—537.

<sup>4</sup> Aesopica: a series of texts,... collected and critically ed. by B. E. Perry, I, Urbana, 1952.

<sup>5</sup> W. Wiener, Die Typen der griechisch-römischen Fabel, mit einer Einleitung über das Wesen der Fabel, Helsinki, 1925 («Folklore Fellows Communications», XVII, 2, № 56).

Этот цикл моралей о незыблемости дурного права составляет почти половину нашей группы А. К нему примыкают некоторые частные морали о царящем зле: дурной человек и ближнего готов обидеть, никакое совершенство не свободно от упреков, полезное добрым ненавистно дурным, не наказанный порок становится все опаснее и т. п. (№ 52, 93, 100, 122, 156, 194, 200, 220).

Наконец, имеется группа моралей противоположного содержания — о том, что царство зла не нерушимо и что зло бывает наказано. Именно: «боги помогают честным и враждебны нечестным» (№ 173, ср. 1, 36), «для преступника ни земля, ни воздух, ни вода не убежище» (№ 32), «ложная клятва нечестива, как ее ни прикрывай» (№ 66), «сама действительность изобличает лжецов» (№ 20), «когда дурные злоумышляют против разумных, то все их хитрости кончаются ничем» (№ 157); «нередко и враг уступает правде» (№ 159).

Таким образом, теме мирового зла посвящены 30 басен; из них 22 «пессимистических» и только 8 «оптимистических», т. е. около одной четверти.

В. «Судьба изменчива». Вариации этой морали: жизнь изменчива, успехи преходящи, за ведром следует ненастье (№ 13, 78); часто случай приносит то, чего не приносит умение (№ 21); надо уметь предугадывать события и загодя готовиться к опасностям (№ 39, 112, 172, 224). Частный случай этой морали: кто замышляет зло против ближних, сам первый попадает в беду (№ 155, ср. 55, 163, 180, 191). Несколько особняком стоят две вариации: во-первых, «судьба всемогуща, от нее не уйдешь» (№ 162, 185, 218) и, во-вторых, «привычка и неудобства смягчает» (№ 10, 195, 204, ср. 24).

Всего теме изменчивости судьбы посвящены 19 моралей, причем 11 из них прямо имеют в виду перемену судьбы к худшему, и только 4 — перемену к лучшему. Связь темы В с темой А очевидна.

В. «Видимость обманчива». Классическая формулировка этой морали: «Часто те (или то), на кого мы не надеемся, нас спасают, а на кого надеемся — губят» (№ 74, 75). Ее вариации: «никого не должно презирать: даже слабый может отомстить за себя» (№ 3); «при переменах судьбы даже сильные порой нуждаются в слабых» (№ 150). Связь темы В с темой В достаточно ясна.

Частные случаи противопоставления «видимость—сущность» можно свести к четырем наиболее обычным противопоставлениям: а) «красота — душевные качества» (№ 12, 219, ср. 229); б) «сила — душевные качества» (№ 27, 108, 130, ср. 111 и 188, где вместо «силы» выступают «богатство» и «важность»); в) «слова — дела» (№ 22, 33, 45, 90, 158); г) конкретнее, «обещание — исполнение» (№ 34, 40, 56, 161, 214). Кроме того, несколько частных случаев остаются за пределами этих четырех подгрупп: «незавидны выгоды, покупаемые ценой опасностей» (№ 170, 183); «часто виновен не тот, кто явно делает а тот, кто тайно подстрекает» (№ 168); «многие издали кажутся грозными, а вблизи оказываются ничтожными» (№ 177); «важно не быстро сделать, а до конца сделать» (№ 223); «должно остерегаться дружбы с двуличными» (№ 35, ср. 196).

Наконец, имеется и группа моралей противоположного характера: о том, что по видимости можно догадаться о сущности (№ 37, 95, 142), что умный распознает дурного всегда (№ 7, 143), что злых издали видно (№ 190), что лжецу не поверят, когда он и правду скажет (№ 210).

Таким образом, теме обманчивой видимости посвящено в целом 36 басен; из них 29 утверждают эту обманчивость и только 7, т. е. около одной пятой, отрицают эту обманчивость. При этом в 24 случаях мораль предполагает, что под хорошей внешностью скрывается дурная сущность, и только в 6 случаях — наоборот. Связь темы В с темой А очевидна.

Г. «Страсти пагубны». Эта тема тесно связана с предыдущей: именно ослепление страстями заставляет людей обманываться и принимать видимость за сущность. Основная формулировка: «Иные в порыве страсти действуют опрометчиво и сами себя губят» (№ 201). Вариации: не надо браться за дело, не подумав (№ 9, 43, 81), после несчастья раскаяние бесполезно (№ 48).

Из пагубных страстей чаще всего в моральных фигурирует жадность. Прежде всего, это большой цикл моралей на тему: «кто недоволен малым и стремится к большему, тот

теряет и то, что имел» (№ 4, 58, 87, 94, 117, 148, ср. 129), «лучше малая выгода в настоящем, чем большая в будущем» (№ 18), «о тех, которые хотят найти, чего у них нет, а потом избавиться от того, что нашли» (№ 49); или, конкретнее, «не должно дружить с тем, кто от старых друзей ищет новых» (№ 6), «иные заимодавцы, жалея малых уступок, теряют на том весь капитал» (№ 181). Другой ряд моралей может быть сведен к формуле «из корыстолюбия иные готовы на самые дурные дела» (№ 5, 17, 178, 205); ср. «иные в надежде на прибыль берутся за самые опасные дела и гибнут» (№ 135), «дурные люди из корысти сами себя печально разоблачают» (№ 57). К той же теме жадности относится, по-видимому, и искаженная до нелепости мораль басни № 128: «о человеке, который нашел клад и начал бояться за свою жизнь».

За жадностью следует тщеславие: «тщеславие многим приносит несчастья» (№ 165). Чаще всего оно выступает в форме хвастовства: «кто похвывается перед теми, кто знает ему цену, тот бывает поделом осмеян» (№ 151, 182, ср. 14). Другие частные случаи: «иные, видя уничтожение врагов, исполняются самоуверенности и гибнут» (№ 82), «иные не могут добиться успеха по собственному бессилию, а винят обстоятельства» (№ 15).

Из остальных страстей чаще упоминается страх: из страха перед малыми опасностями люди ввергают себя в большие (№ 76, 131), готовы терпеть обиды и служить собственным врагам (№ 127, 217). Далее, причинами человеческих несчастий именуется сластолюбие (№ 80), доверчивость (№ 140) и склонность к преширательству (№ 59).

Таким образом, в общей сложности о пагубности страстей говорится в моральных баснях (в том числе в половине случаев — о жадности). Моралей противоположного содержания на эту тему нет.

Д. «Каждому свое». В наиболее общей форме эта мораль повторяется четырежды в почти тождественных выражениях: «кто берется за дела, ему несвойственные, тот попадает в беду» (№ 116, 139, 187, 203). Два раза эта мысль подкрепляется апелляцией к «природе»: «Кто ищет того, что не дано ему от природы, тот не достигает цели, а только попадает в беду» (№ 184); «от природы не у всех удел одинаков» (№ 91). Сюда же надо отнести и морали «вещи несхожие несовместимы» (№ 29) и «неравенство всюду пагубно» (№ 31).

Самый яркий и поэтому частый случай такой морали: «кто пытается соперничать с сильнейшим, тот терпит неудачу» (№ 104, 125, ср. 2, 70, 83, 144, 230); более конкретный случай — «о дерзком, который берется клеветать на того, кто сильнее» (№ 132). Один раз на место «слабого» и «сильного» подставляются — вопреки басенному пессимизму — «дурные» и «хорошие»: «когда дурные насмеваются над хорошими, они себе же навивают неприятности» (№ 8).

Любопытной вариацией темы «каждому свое» является мысль «каждому делу свое время». В более общем случае она звучит так: «непристойно (или: „опасно“) все, что делается не ко времени» (№ 54, 169, ср. 11, 97); в более конкретных случаях — «неразумно делам необходимым предпочитать приятные» (№ 63), «нужно помогать друзьям во-время, а не смеяться, когда уже поздно» (№ 114).

Отрицание принципа «каждому свое» мы находим только в одной басне, да и то в очень затемненной форме: «выгодные обстоятельства придают дерзости даже слабым против сильных» (№ 98).

Таким образом, теме «каждому свое» посвящены 24 басни; во всех, кроме одной, этот принцип незыблемости всего существующего утверждается, а не отрицается.

Е. «Каждый за себя». Наиболее прямолинейно утверждается этот принцип в вариациях мысли «человек должен не только молиться богам, но и сам о себе заботиться» (№ 30; ср. 110, 174, 231). В более частном случае к этому относится мысль: «многим приятнее жить скромно у себя, чем богато у чужих» (№ 106).

Следствием этого принципа являются басенные суждения об отношении к делу и об отношении к людям. О труде говорится в двух моральных: «Труд есть клад для людей» (№ 42) и «нередко трудом можно добиться большего, чем природными способностями» (№ 226). Сюда же можно присоединить № 147: «не зря горюет тот, кто видит, что плоды его трудов достаются первому встречному». Других аспектов «отношения к делу» ка-

саются морали «разумные люди даже мелочей не оставляют без внимания» (№ 146) и «о тех, кто берется за дело не умеючи» (№ 212).

В отношениях к людям басня требует прежде всего разборчивости: «с добрым и злым нельзя вести себя одинаково» (№ 199, ср. 72, 208). Затем следует группа моралей о дружбе: «друзей надо выбирать таких, которые в беде могут помочь» (№ 145), «настоящие друзья познаются в опасностях» (№ 65, ср. 25, 84), «кто в счастье не делится с друзьями, тот в несчастье будет покинут» (№ 67): отношение к дружбе, как явствует из этих мыслей, вполне утилитарное. Затем — группа моралей о благодарности: «надо знать благодетеля и воздавать ему благодарность» (№ 61); правда, дурные люди этого не делают (№ 175, 176), но их за это наказывает бог (№ 77). Об отношении к врагам говорит только одна мораль: «Кто даст отпор первым обидчикам, того бояться и остальные» (№ 198).

Отрицается принцип «каждый за себя» только один раз: басня № 53 имеет мораль «согласие непобедимо, а раздор бессилён».

Всего в группе E — 24 басни; а во всех шести рассмотренных тематических группах — 169 басен, т. е. около трех четвертей всего эзоповского сборника. В каждой группе, как мы видели, подавляющее большинство моралей соответствует сформулированным нами тезисам, а не противоречит им.

Остальная часть эзоповского сборника содержит или сентенции, не сводимые к шести рассмотренным тезисам, или суждения не общего, а частного характера: о различных областях жизни и о различных типах людей. Среди сентенций разного содержания можно выделить три группы: во-первых, «жизнь дороже всех благ» (№ 60, 85, 118, ср. 167 «смерть легче, когда она неожиданная»); во-вторых, «человек учится на собственных несчастьях» (№ 79, 134, 171) «и на несчастьях своих ближних» (№ 149, 207); в-третьих, «зрелище чужих несчастий служит утешением в собственных» (№ 23, 68, 113, 138, 216). Вне этих групп остаются сентенции: «часто убеждение действеннее, чем сила» (№ 46), «после сильной вражды нелегко бывает примирение» (№ 51), «ни к чему обладание без пользования» (№ 225), «тяжелее всего обидя, когда она приходит, от кого не ждешь» (№ 227). Таким образом, в эту категорию входят 18 моралей; более половины из них, как мы видим, трактуют о несчастьях различного рода.

Среди сентенций о различных областях жизни можно выделить пять групп: 1) О политике — 10 моралей: «правителей лучше иметь ленивых, чем буйных» (№ 44); «не красота, а сила должна украшать правителей» (№ 219); «государства, которые без сопротивления выдают вождям, становятся легкой добычей для врагов» (№ 153); «демагогам в государстве лучше всего живется, когда удастся завести смуту» (№ 26); «в смутные времена нестойкие люди набивают себе цену» (№ 62, 213); «кто вмешивается в распри демагогов, тот сам становится их жертвой» (№ 197); «Люди чаще всего покидают родину от дурных правителей» (№ 193); «в государственных смутах бедняки спасаются бегством, а богачи попадают в беду» (№ 228); «когда люди покидают отечество, они не приживаются ни на старом, ни на новом месте» (№ 123). Точка зрения во всех этих сентенциях явно одна и та же: точка зрения народа, угнетаемого, но пассивного и бессильного. Ни о каком «наступательном духе» здесь нет и речи. 2) О рабах — 3 морали: «иные рабы получают вольную, но от рабской своей природы избавиться не могут» (№ 164); «стоит рабу узнать нового хозяина, и он жалеет о старом» (№ 179); «среди рабов несчастнее всего те, кто в рабстве рождает детей» (№ 202)<sup>6</sup>. Во всех — та же угнетенность и та же безысходность. 3) О должниках — 2 морали: «о тех, кто легко берет в долг и с трудом возвращает» (№ 47, 102); «должник чужими средствами достигает видного положения, но, отдав, остается ни с чем» (№ 101). 4) О семье — 2 морали: «непохожи дети, которых растит мать и мачеха» (№ 119), «сыновей-бездельников не за что ругать, если их так вырастили родители» (№ 92). 5) О риториках — 2 морали, одна с похвалой (№ 222: «искусный ритор

<sup>6</sup> Я. А. Ленцман (Элементы идеологии рабов в баснях Эзопа, в кн.: «Вопросы античной литературы и классической филологии», М., 1966, стр. 76) считает эту мысль выражением подлинной морали рабов. Вряд ли это так: известно, что рабам, рождавшим детей, обычно легче жилось, чем остальным. Вернее здесь видеть отголосок кинической морали, требовавшей от человека отречения от всех личных и общественных уз.

даже оскорбление обратит в похвалу»), другая с порицанием (№ 121: «некоторые риторы в школе кажутся талантливыми, а вне школы — ничто»; ср. морали группы В). Басня времен «Августаны» разрабатывалась преимущественно в риторических школах, поэтому такая тошка вполне понятна.

Таким образом, всего в этой категории 20 моралей.

Наконец, к моралиям последней категории — о различных типах людей — относятся морали «безглагольные»: «о таком-то», «о таком-то»... Героями их выступают человек «дурной» (№ 96, ср. 211), «ничтожный» (№ 137), «злонравный и несносный» (№ 105), «малодушный» (№ 189), «неразумный» (№ 41, 124), «жадный» (№ 99, 126, 133), «вороватый» (№ 89, ср. 41), «тщеславный» (№ 88), «лживый» (№ 28, 73, 103), «лицемерный» (№ 136, 160), «лживый» (№ 206), «неблагодарный» (№ 120, 215), «развратный» (№ 86, 109), «упрямый» (№ 186), «болтливый» (№ 141); конкретнее других мораль № 71 «о богатстве, который не смеет пользоваться своими богатствами». Всего 25 моралей.

Если подсчитать общий состав моралей эзоповского сборника, то из общего числа 232 моралей (№ 219 мы были вынуждены считать дважды) к группе «в мире царит зло» принадлежат 13%; «судьба изменчива» — 8%; «видимость обманчива» — 15,5%; «страсти пагубны» — 15,5%; «каждому свое» — 10%; «каждый сам за себя» — 10%; остальные 28% рассеяны среди моралей более конкретного содержания. Было бы интересно сопоставить с этими цифрами эзоповских басен такие же цифры по более поздним баснописцам — от Федра до Крылова. Но это — дело будущего, а в настоящем важно то, что этот исчерпывающий обзор эзоповских моралей полностью подтверждает ту характеристику идейного консерватизма басенного жанра, которая была предложена в начале этой статьи.

Против этой аргументации может быть сделано возражение: мораль — самая легкозаменимая часть басни, из всякого сюжета могут быть выведены морали самого противоположного свойства; ничто не гарантирует, будто морали, которыми мы располагаем в «Августане», — исконные, восходящие к идеологии VI—V вв. до н. э.; скорее, наоборот, «Августане», — исконные, восходящие к идеологии VI—V вв. до н. э. и могут характеризовать морали эти целиком сочинены редактором «Августаны» в I—II вв. и могут характеризовать лишь идеологию риторических школ того времени, но не идеологию тех отдаленных времен, когда в народном творчестве складывался жанр эзоповской басни.

Чтобы отвести это возражение, необходимо от рассмотрения моралей перейти к рассмотрению сюжетов — ибо сюжеты заведомо являются самой древней и самой устойчивой частью басни. Идеологическое истолкование сюжетов — дело более сложное и спорное, но потому и более интересное.

Даже самое беглое читательское впечатление позволяет почувствовать, что басенные сюжеты однообразны, чем-то похожи друг на друга; но чем именно — это определить не так легко. В научной литературе имеются лишь редкие попытки уловить эту общую особенность басенной структуры<sup>7</sup>.

Рассмотрим несколько почти наудачу выбранных эзоповских сюжетов. Орел унес из стада ягненка, галка позавидовала и захотела сделать то же, бросилась на барана, но запуталась в шерсти и попала (№ 2). Гусыня несла человеку золотые яйца, ему этого было мало, он зарезал ее, но вместо золота нашел в ней только потроха (№ 87). Верблюд увидел, как бык чванится своими рогами, позавидовал ему, стал просить у Зевса рогов и для себя, но в наказание и ушей лишился (№ 117). Зимородок хотел спасти свое гнездо от людей, он свил его на скале над морем, а море взяло и смыло его (№ 25). Рыбаки тянули сеть, радовались, что она тяжела, вытащили ее, а она оказалась полна песка и камней (№ 13). Крестьянин нашел змею, пожалел ее, отогрел, а она его и ужалила (№ 176). Волк услышал, как нянька грозилась выкинуть младенца волку, поверил ей, долго ждал исполнения угроз, но остался ни с чем (№ 158). Галка жила в неволе, это было ей в тягость, она улетела на свое дерево, но запуталась веревкой в ветвях и погибла (№ 131).

<sup>7</sup> Л. Виндт (Басня как литературный жанр, в кн. «Поэтика», III. Л., 1927, стр. 87—101) указала на антигетичность как структурный признак басни; М. Нейгор обозначает две части басенной антигетизации как «свободное действие» и «заклнчительное действие», хотя о «действии» можно говорить здесь далеко не всегда.

По мотивам, составляющим сюжет, все эти басни различны: в известном справочнике Стиса Томпсона<sup>8</sup> они разнесены по пяти разным разделам, не говоря уже о разных подразделах. Но по способу соединения этих мотивов в сюжетное целое все они однородны, все сводятся к одной и той же сюжетной схеме<sup>9</sup>.

Схему эту можно сформулировать словами так: «Некто захотел нарушить положение вещей так, чтобы ему от этого стало лучше; но когда он это сделал, оказалось, что ему от этого стало не лучше, а хуже». Схема эта, как можно видеть из приведенных примеров, — четырехчастная: экспозиция, замысел, действие, неожиданный результат. Меняются лишь мотивировки во втором пункте, в «замысле»: для галки и для чело- века — это жадность, для верблюда — тщеславие, для зимородка — самосохранение, для рыбаков — радость, для крестьянина — жалость, для волка — доверчивость, для галки — свободолюбие. Чаще всего, как мы увидим, мотивами выступают жадность и тщеславие (т. е. желание персонажа изменить в свою пользу распределение материальных или духовных благ), затем самосохранение (страх); остальные мотивы единичны. Можно было бы ожидать, что как мотивируется действие, так будет мотивирован и его неожиданный результат; но этого не происходит, потому что здесь мотив почти во всех баснях один и тот же: обуянный жадностью (тщеславием, жалостью и т. п.) персонаж забывает о самосохранении и за это платится. Вот почему схема басенного рассказа оказывается четырехчастной, а не более симметричной, пятичастной (экспозиция — мотивировка действия — действие — мотивировка результата — результат).

Установив схему данного сюжетного типа, можно составить исчерпывающие списки мотивов, которыми может заполняться каждое звено в этой схеме.

Для первого звена, экспозиции («Конь пасся на пастбище...», «Волк охотился...», «Гусыня несла хозяйке золотые яйца...»), такой список сведется, во-первых, к полному перечню персонажей данного цикла басен (конь, волк, гусыня...) и, во-вторых, к полному перечню обстановочных мотивов, фона действия (пастьба, охота, домашнее хозяйство...). Такие перечни важны для изучения среды возникновения басенных сюжетов (показательно сравнение «сельского» фона эзоповских басен и «городских» мотивов, участвующих в баснях Федра); но для нас это сейчас не существенно.

Для второго звена, «замысла» или «мотивировки действия», мы уже составили ориентировочный список из семи мотивов; в дальнейшем мы попытаемся расширить его до исчерпывающего охвата.

Для третьего звена, «действия», можно выделить несколько наиболее частых случаев. Первый случай — простое продолжение действия, начатого в экспозиции главным персонажем: «рыбаки тянули сеть... и вытянули ее» (№ 13). Второй случай — главный персонаж повторяет действие другого персонажа: «верблюд увидел, как все хвалят пляшущую обезьяну... и сам пустился в пляс» (№ 83). Третий случай — главный персонаж не только повторяет, но и усугубляет действие другого: «орел унес ягненка... — галка набросилась на барана» (№ 2, см. выше). Четвертый случай — персонаж сам выдумывает хитрость для достижения своей цели: «зимородок боялся людей — и свил гнездо над морем» (№ 25). Пятый случай — персонаж доволен своим положением и не пытается изменить ситуацию, но ситуация меняется сама: «пастух искал ягненка — и вдруг нашел его в когтях у льва» (№ 49). Эта типология басенного действия оставляет желать много лучшего, но по усовершенствованию она может стать полезным орудием анализа.

Для четвертого звена, «результата», характерны по существу лишь два случая: возвращение персонажа к исходному положению («... и волк ушел ни с чем», № 158) или, чаще, прямое ухудшение его положения по сравнению с исходным («... верблюд и ушей лишился», № 117).

К этим четырем звеньям сюжета примыкает «довесок»: мораль, которая может вы- водиться из любого из этих четырех моментов действия; так, морали группы «страсти

<sup>8</sup> Stith Thompson, *Motif-Index of folk-literature*, v. 1—4, Indianapolis, 2d ed., 1955.

<sup>9</sup> О понятии сюжетной схемы см. В. Пропп, *Морфология сказки*, Л., 1928. Ср.: Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал. К построению модели волшебной сказки. «III-летняя школа по вторичным моделирующим системам» — тезисы, Тарту, 1968, стр. 165—177.

пагубны» или «каждому свое» обычно опираются на завязку, а морали группы «судьба изменчива» — на действие.

Основная схема из четырех звеньев может иметь ряд вариаций. Важнейшие из них — следующие.

Во-первых, результат действия может быть не показан, а только назван. В басне № 126 мы читаем: галка села на смоковницу, решила дожидаться зрелых смокв, сидела и не улетала. Мы уже ждем результата: «и умерла с голоду», но автор ограничивается только намеком на этот исход: пробежала мимо лиса и сказала: «Напрасно надеешься: надежда тешит, но не насыщает». Такие концовки характерны, в частности, для басен о разгаданной хитрости (например № 79: ласке трудно было ловить мышей, она решила пойти на хитрость, повисла на крюке, как мешок, но мышь сказала: «будь ты и впрямь мешком, не подойду к тебе»). В басне № 190 не показано, а лишь названо и само действие: ворон расклеивал спину ослу, а погонщик смеялся, волк сказал: «а что было бы, кабы то же самое попробовал сделать я?».

Во-вторых, в басне может быть смещен интерес с более слабого персонажа (т. е. того, который терпит неудачу в финале) на более сильного персонажа: так, в басне об волке и цапле (№ 156) в центре внимания должна была бы находиться цапля, которая, вопреки естественному порядку, помогает волку и за это остается ни с чем; но вместо этого с первых слов басни («Волк подавился костью...») и до последней реплики в центре внимания находится волк. Еще сложнее раздвоение интереса между персонажами в знаменитой басне о вороне и лисице (№ 124): «с точки зрения лисы» действие развивается по схеме «лиса увидела мясо, захотела до него добраться (мотив — жадность), стала его хвалить (хитрость) и добилась успеха»; «с точки зрения ворона» схема такова: «ворон слушал лису, возгордился (мотив — тщеславие), каркнул и потерял мясо. В ходе басенного рассказа центр внимания перемещается с лисы на ворона — нам это кажется естественным, но в поэтике басен это редкий случай.

В-третьих, в басне могут выпадать такие звенья ее структуры, как замысел и действие: в таком случае перед нами — упрощенная басня, состоящая только из обрисованной ситуации и комментирующей реплики. Так, в басне № 98 козленок с крыши бранит волка; волк отвечает: «Не ты меня бранишь, а твое место». Или еще короче: в басне № 27 волка видит трагическую маску и говорит: «Что за лицо, а мозгу нет!». Обычно эти филисы видят трагическую маску и говорят: «Что за лицо, а мозгу нет!». Обычно эти филиальные реплики антидеятельны, как в приведенных примерах: антитеза в реплике как бы заменяет антитезу в действии, однако бывают и отступления: гадюка плыла по реке на терновой ветке — лиса сказала: «по пловцу и корабль!» (№ 96). Наряду с выпадением замысла и действия встречается также выпадение экспозиции и замысла, но реже: крот сказал «я прозрел!» — но не смог ни зреньем, ни чутьем отличить ладан от камешков (№ 214).

В-четвертых, наоборот, в басне могут добавляться новые структурные звенья: по завершении одного цикла «экспозиция — замысел — действие — результат» может начинаться второй: «новое действие — новый результат»; в таком случае перед нами — усложненная, двухходовая басня. Так, в басне № 129 видим вместо четырех шесть звеньев: галка увидела, что голубям хорошо живется, решила зажить с ними, покрасилась и пришла к ним, но по голосу была отвергнута, вернулась к галкам, но по виду была отвергнута. Особенно сложное двухходовое строение имеют начальные басни эзоповского сборника: № 1 «Орел и лисица» (восходящая к Архилоху) и № 3 «Орел и жук» (упоминаемая еще Аристофаном).

Такова схематика основного типа басенной структуры. Что этот тип является основным или, по крайней мере, преобладающим в эзоповской басне, — это должно быть доказано подсчетом басен, построенных в соответствии с этой схемой. Такой подсчет мы и попытаемся произвести, сгруппировав басни по мотивировке действия («замыслу»).

1. Наиболее частой мотивировкой, как сказано, является жадность. К этой группе относятся 29 басен обычного четырехчленного типа: № 2, 6, 16, 24, 49, 58, 59, 67 (с некоторым усложнением: центр внимания — не на действиях, а на сопровождающих репликах), 77, 80, 86, 87, 115, 116, 128, 133, 135, 139, 144, 147, 148, 153 (со сдвигом точки зрения на сильного), 155, 163, 173 (с очень расширенной экспозицией, приближающей

структуру басни к двухходовой), 201, 207, 208, 209. Во всех этих баснях действие доходит до логического результата; кроме того, в 12 баснях результат действия остается в предположении: № 7, 41, 79, 81, 126, 142, 143, 157, 160, 190, 199, 206 (со сдвигом точки зрения). Усложненное, двухходовое строение имеют две уже упомянутые басни № 1 и 3. К этой же группе можно отнести две басни, где мотив жадности соединяется с мотивом самоуверенности: № 97 и 187 (волк, уверенный в своем торжестве, позволяет жертве последнюю волю).

2. Тщеславие — следующая мотивировка. К этой группе относятся 20 басен обычного строения: № 31, 73, 74, 82, 83, 88, 91, 101, 117, 121, 125, 137, 140, 151, 154 (волк тщеславится мнимой добротой), 165, 182, 184, 226, 230 — и 5 басен с предупрежденным результатом: № 15, 17, 107, 188, 219. Двухходовое строение имеют басни № 44 и 123; об особом рода усложненности в № 124 («Ворон и лисица») говорилось выше.

Частным случаем басен о тщеславии являются басни о спорах и состязаниях, т. е. такие, в которых тщеславие (желание выйти победителем) проявляют не один, а два персонажа. Обычно развязкой такой басни служит остроумная реплика одного из персонажей или же третьего лица, арбитра; таковы 13 басен — № 12, 14, 20, 33, 62, 100, 104, 130, 213, 220, 222, 223, 229. Но в двух случаях спор решается не репликой, а действием, пробой сил, и тогда, при двух участниках, басня становится двухходовой: таковы № 46 («Борей и Солнце») и 70 («Дуб и тростник»).

3. Самосохранение — мотив 6 басен обычного строения: № 19, 25, 75, 76, 122, 191; предупреждение результата — в басне № 43; с некоторой натяжкой его можно усмотреть и в баснях № 4, 18, 134 (схема типа: «рыбак поймал рыбку; та просила дать ей подрасти, а потом поймать еще раз; но рыбак отказался с такими-то словами»). Трехходовая басня — № 32 («Убийца»).

4. Неопределенно сформулированное стремление к улучшению своего положения, «к лучшей жизни» — мотив 8 басен: № 55, 60, 69, 129 (двухходовая), 164, 179 (двухходовая), 180, 183 (упрощенная, с выпадением третьего звена).

5. Доверчивость — мотив 4 басен: № 22 (с предупреждением результата), 158, 169, 193.

6. Доброта, жалость — мотив 4 басен: № 120, 156, 176, 192 (с предупреждением результата).

7. Любовь — 2 басни: № 50 и 218.

8. Радость — 2 басни: № 13 и 197.

9. Горе — 3 басни: № 21, 23 (ср. № 183) и 78.

10. Благочестие — 2 басни: № 30 и 110.

11. Суеверие — 1 басня: № 64 («Укушенный собакой»).

12. Высокоумие — 1 басня: № 40 («Звездочет»).

13. Лень — 2 басни: № 106 и 181.

14. Мсть — 1 басня: № 51 («Крестьянин и змея»).

15. Свободолюбие — 1 басня: № 131 («Галка-беглянка»).

16. Веселость — 1 басня: № 210 («Пастух-шутник»).

17. Подражательность — 1 басня: № 203 («Обезьяна и рыбаки»).

Кроме того, в особые группы можно выделить: 1) Три двухходовые басни с сюжетом типа «летом муравей трудился, а жук бездельничал; зимой жук стал страдать, а муравей дал ему отповедь»: № 11, 112, 149; 2) Три басни «наизнанку», где действие меняется не к худшему, а к лучшему: № 138, 141 (впрочем, ее можно рассматривать как «басню о тщеславии» со сдвигом интереса на сильного), 150; 3) 33 упрощенные басни по типу «ситуация — реплика»; так как звено «замысел» выпадает, то связать их с теми или иными завязочными мотивами из нашего списка невозможно. Это басни: № 27, 37, 38, 45, 47, 54, 56, 57, 61, 72, 90, 92, 93, 96, 98, 99, 132, 136, 161, 167, 168, 174, 186, 189, 196, 198, 202, 212, 214, 215, 217, 221, 228.

Таким образом, всего к описанному структурному типу принадлежат 171 басня, что составляет 74% от общего количества 231 басни. Даже если не причислять к этому типу 33 упрощенные басни, как слишком далеко отступающие от основной схемы, то остальные 138 басен составят 60%, т. е. значительно более половины всего эзоповского сборника.

Басни, в центре которых находится острога: № 5, 34.

Бани, в центре которых находится хитрость: № 9, 28, 36, 42, 66, 89, 172, 178.

Басни, в центре которых — констатация житейского факта: № 29, 85.

Басни, в центре которых — констатация биологического факта: № 118, 145.

Басни с кульминацией на реплике «Раньше бы так!» — № 48, 114.

Если просмотреть все эти «нестандартные» басни, можно заметить одну особенность: среди них много таких, которые интуитивно воспринимаются не как басни, а как анекдоты, новеллы, сказки и т. п. Мы говорим «интуитивно», потому что объективные критерии размежевания между басней и соседними жанрами до сих пор в литературоведении не выработаны. Думается, однако, что всякий согласится назвать № 35 «Должник» не басней, а анекдотом (должник, чтобы заплатить долг, продавал свинью: «хороша свинья, к Мистериям приносит свинок, а к Панафинейм кабанчик!» — покупатель свинью, а присутствовавший заимодавец сказал ему: «чего дивиться? погоди, она тебе к Дионисиям и козлят родит»); № 8 «Эзоп на верфи» — не басней, а мифом (когда-то тебе к Дионисиям и козлят родит); № 172 «Летучая мышь и ласка» — не басней, а сказкой (летучая мышь попала в ласку и один раз спаслась, сказав «я не птица, а мышь», кой другой раз — «я не мышь, а птица»). О таких произведениях эзоповского сборника, как № 64 «Оратор Демад» (пародия на басню) или № 71 «Трус, отыскавший золотого льва» (школьная этопея), не приходится и говорить. В общей сложности из 60 «нестандартных» басен около 20 ощущаются как «небасни» вообще; между тем в 171 «стандартных» басне такие исключения если и попадаются, то лишь изредка и почти исключительно в басне такие исключения если и попадают, то лишь изредка и почти исключительно в баснях упрощенных. Это еще более подтверждает нашу мысль, что описанный выше четырехчленный сюжетный тип является для эзоповской басни основным. Более того: можно предполагать, что когда аналогичным образом будут разработаны структурные схемы для жанров анекдота, сказки и пр. (они будут значительно сложнее, чем для басни; свидетельство — схема волшебной сказки, классически разработанная В. Проппа); то провети границы между басней и смежными жанрами будет легче, — ибо очевидно, что все эти жанры могут пользоваться одним и тем же материалом образов и мотивов, но выстраивают его каждый по своей схеме.

Итак, сюжет эзоповской басни, самая устойчивая и исконная ее часть, сводится к формуле: «Некто захотел нарушить положение вещей так, чтобы ему от этого стало лучше, но когда он это сделал, оказалось, что ему от этого стало не лучше, а хуже». Утверждение существующего «положения вещей» и отрицание всякой попытки его изменить — в этом «пафос» басни. Это пафос консерватизма, традиционализма, а отнюдь не наступательности и революционности. Разумеется, на определенном историческом этапе, — именно, в пору борьбы против аристократии в VII—VI вв., — басня с ее апофеозом здравого смысла и здравого практицизма могла быть и была орудием прогрессивной общественной борьбы. Но считать прогрессивность природным и неотъемлемым свойством басенной идеологии в высшей степени ошибочно.

Спрашивается, почему же в таком случае эти, казалось бы, очевидные черты идейного облика античной басни ускользали от столь многих первоклассных исследователей? Причины этого, по-видимому, следует искать в общем подходе науки конца XIX в. к проблеме басни — да и не только басни. Это было время последнего увлечения *Quellenuntersuchungen*, когда казалось, что дошедшие до нас произведения античной словесности почти сплошь представляют собой слабые переработки не дошедших до нас таинственных шедевров. Басенный жанр, начало которого относится к глубокой древности, а сохранившиеся тексты — к весьма позднему времени, представлял собой особенно удобное поприще для гипотетических построений подобного рода. Если пересмотреть суждения Крузиуса и его учеников, отчасти упомянутые нами вначале, бросится в глаза, что их меньше всего занимают подлинные тексты «Августаны» и других сборников, дошедших до нас; они говорят почти исключительно о «прабаснях», бытовавших в VI—V вв., и раскрашивают зыбкие очертания этих басен всеми красками своих представлений о «народной идеологии» и «народном стиле».

Особенно важные последствия имела гипотеза Крузиуса о том, что первоначальной формой эзоповского сборника была «народная книга об Эзопе» — жизнеописание Эзопа со вставленными в него по ходу действия десятками и чуть ли не сотнями рассказываемых басен. Жизнеописание Эзопа в поздней редакции (I—II вв. н. э. и еще более поздние переработки) до нас дошло, и оно, действительно, отличается и бунтарской «народной идеологией» и красочным «народным стилем». Но в том-то и дело, что между «Жизнеописанием» и «Августанским» сборником басен (относящимся к тому же времени и послужившим источником для всех остальных) нет решительно никаких точек соприкосновения — ни идейных, ни стилистических. Эти два памятника никоим образом не могут составлять две половинки расколовшейся «Ur-Volksbuch», объединившей будто бы жизнеописание и басни в одной рамке. Это уже общепризнанно, и крузиусовская гипотеза о всеобъемлющей Ur-Volksbuch давно оставлена. Но пережитки ее живучи, и представление об идеологии эзоповских басен до сих пор связывается в сознании исследователей с представлением об идеологии «Жизнеописания Эзопа».

Образ Эзопа и басни Эзопа — предметы различные, и изучаться они должны по-разному. Образ Эзопа «Жизнеописания», раба, мудреца и насмешника, сохранил те черты революционного пафоса, которые были в идеологии демоса VII—VI вв.; басни Эзопа сохранили те черты обывательского консерватизма, которые были в той же идеологии. Идейное содержание «Жизнеописания Эзопа» мы пытались раскрыть в другом месте<sup>10</sup>; идейное содержание эзоповских басен мы попытались разобрать в настоящей заметке. Если этот анализ и был несколько громоздок, он все же может представлять некоторый методологический интерес — как напоминание о той осторожности, которая требуется от всякого исследователя при сложной работе по выявлению идеологического смысла литературных произведений.

М. Л. Гаспаров

## PLOT AND IDEOLOGY IN AESOP'S FABLES

by M. L. Gasparov

The social criticism and revolutionary spirit of the collection known as Aesop's fables should not be exaggerated. In the ideology of the demos in the seventh and sixth centuries there were both revolutionary and conservative elements: the first were inherited by the «Life of Aesop», the second by the fable collections that have survived to our day. This may be shown by analysis, in the first place, of the moralistic epimythos and, in the second place, of the plot structure of the fables in the basic collection (the *Augustana*). The epimythos may be boiled down to the following main theses: the world is ruled by evil; fortune is fickle, appearances deceptive; passions are ruinous; everyone ought to be content with his lot and not strive to better it; everyone ought to look out for himself and seek his own advantage (these account for about 72% of all the epimythos). The plot of most of

<sup>10</sup> См. М. Л. Гаспаров, Две традиции в легенде об Эзопе, ВДИ, 1967, № 2, стр. 158—167.

## О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕГО ЕВПАТОРИЯ

A map of the coast of the Gulf of California. The coastline is shown with several sampling stations marked by circles and numbered 1 through 5. Station 1 is near Ob. Cacben. Station 2 is further south. Station 3 is further south. Station 4 is further south. Station 5 is near Aading. The area between stations 1 and 5 is shaded with horizontal lines.

стопольской бухты<sup>5</sup>. Приняв эту точку зрения, мы должны искать Евпаторий где-то в непосредственной близости от Херсонеса. Это находит подтверждение и в общераспространенном мнении, согласно которому разбитые Диофантом тавры — это население Горного и Югобережного Крыма. Правильность такой трактовки, на первый взгляд, подтверждается еще тем обстоятельством, что у Страбона Евпаторий упоминается непосредственно перед гаванью Ктенунт: «Был также и Евпаторий, основанный Диофантом. В 15 стадиях от стены херсонесцев есть также... Здесь был и порт Ктенунт»<sup>6</sup>. А несколькими строками выше тот же автор указывает, что Ктенунт находится между Херсонесом и Симболон Лимен (Балаклавой)<sup>7</sup>. Этот фрагмент текста Страбона представляет собой перечисление городов, находящихся в разных пунктах Крыма: сначала называются скифские крепости Палакий, Хаб и Неа-

<sup>7</sup> S t r a b o, VII, 4, 3. CM. SC, I, ctp. 124.